

ность всего его существа не мѣшала прорываться, подъ часъ, необычными для дѣтскаго возраста душевными параксизмами, рядомъ выходокъ и эксцентричностей, шедшихъ *на зло*, въ разрѣзъ съ его обыкновеннымъ тихимъ и кроткимъ видомъ, какъ вырвавшійся несдержанный протестъ успѣвшихъ, за долгое время, накопиться въ душѣ его чувствъ: «оставьте меня, всѣ вы никто не любите меня, непонимаете какъ я несчастливъ! Всѣ вы гадки, отвратительны», — кричалъ онъ съ какимъ то изступленіемъ, обращаясь ко всему обществу, въ сценѣ съ St. Jérôme'омъ. Или, придетъ ему вдругъ въ голову дикая, но вполне естественная въ его положеніи мысль, что онъ должно быть не сынъ своего отца, и вотъ онъ уже воображаетъ себѣ то сцену, какъ онъ приходитъ къ отцу и говоритъ ему: «отецъ, напрасно ты скрываешь тайну моего рожденія: я ее знаю...», то будто онъ умеръ и душа его носится по всѣмъ комнатамъ дома и подслушиваетъ какъ о немъ сожалѣють, какъ говорятъ: «онъ славный былъ мальчикъ», а нана, обращаясь къ St. Jérôme'у: «*вы* были причиной его смерти, онъ не могъ перенести униженія... вонъ отсюда, злодѣй!...» и т. п. въ томъ же родѣ. Что касается ума, то и этотъ, не находя себѣ тоже пищи извнѣ, бросился пожирать самого себя, ребенокъ получаетъ склонность къ постоянному анализу и сосредоточенности въ самомъ себѣ, задаетъ себѣ различные чисто-отвлеченные вопросы, при чемъ слабый умъ, безсильный разрѣшить эти вопросы, въ непосильномъ трудѣ, терялъ одно за другимъ убѣжденія, которыхъ, для счастья его жизни, не слѣдовало бы затрогивать. «Изъ всего этого тяжелаго моральнаго труда я не вынесъ ничего, кромѣ изворотливости ума, ослабившей во мнѣ силу воли (начало «безхарактерности»), уничтожившей свѣжесть чувствъ и ясность разсудка.»